

ЧАСТЬ II

Трещины: Анти-Политика достоинства

4

Трещины начинаются с "НЕТ", из которого вырастает достоинство, отрицание-и-созидание.

Представьте себе слой льда, покрывающий тёмное озеро возможностей. Мы кричим «НЕТ» так громко, что лёд начинает трескаться. Что открылось взгляду? Что за тёмная жидкость, которая (порой и не всегда) медленно или быстро пузырится сквозь трещину? Назовём её достоинством. Трещина во льду движется непредсказуемо, то ускоряясь, то замедляясь, то расширяясь, то сужаясь, то снова замерзая и исчезая, то вновь появляясь. Повсюду вокруг озера люди делают то же самое, что и мы — кричат «НЕТ» так громко, как только могут, создавая трещины, которые бегут, как и все трещины во льду — непредсказуемо расширяясь, стремясь соединиться с другими трещинами, иногда снова замерзая. Сила трещин тем больше, чем сильнее в них течёт поток достоинства.

Не служите более, говорит нам Ла Боеси — и мы враз освободимся. Разрыв начинается с отказа, с «НЕТ». Нет, мы не будем пасти ваших овец, пахать ваши поля, собирать вашу машину, сдавать ваши нормативы. Раскрывается истина соотношения сил: сильные зависят от бессильных. Феодал зависит от своих крепостных, капиталист зависит от рабочих, которые создают его капитал.

Но настоящая сила *более-не-служения* приходит, когда мы вместо этого делаем что-то иное. Более не служу, и что дальше? Если мы просто сложим руки и ничего не будем делать, мы вскоре столкнемся с проблемой голода. *Более-не-служение*, если оно не ведёт к иной деятельности, к альтернативной деятельности, может легко превратиться в переговоры об условиях рабства. Рабочие, которые говорят «нет» и скрещивают руки на груди, или устраивают забастовку, неявно говорят «нет, мы не будем выполнять эту команду», или «мы не будем продолжать работать в этих условиях». Это не исключает продолжения сервитута (трудовых отношений) на других условиях.

Более-не-служение становится шагом в переговорах о новых условиях рабства. Другое дело, когда отрицание становится отрицанием-и-созиданием^[1]. Это более серьёзный вызов. Рабочие говорят «нет» и захватывают фабрику. Они заявляют, что им не нужен босс, и начинают призывать к миру без боссов^[2].

Вспомните печальную историю господина Пила, который, как рассказывает нам Маркс,

...взял с собой из Англии на берега реки Суон в Новой Голландии жизненные средства и средства производства в общей сумме на 50 000 фунтов стерлингов. Г-н Пил был

настолько предусмотрителен, что, кроме того, захватил с собой 3000 человек из рабочего класса — мужчин, женщин и детей. Но по прибытии на место назначения «у г-на Пила не осталось даже ни одного слуги, который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки». Несчастный г-н Пил! Он всё предусмотрел, но забыл только экспортировать английские производственные отношения на берега реки Суон! (Marx 1867/1965: 766; 1867/1990: 933)

Так вышло, что земля в районе реки Суон не принадлежала никому и находилась в свободном доступе, так что 3000 человек рабочего класса ушли и стали работать на своей земле. Можно вообразить себе сцену, в которой изначальный гнев несчастного г-на Пила на отказ рабочих выполнять его приказы, обернулся отчаянием, когда Пил увидел, как рабочие уходят, чтобы начать иную жизнь — без хозяев. Наличие земли позволило им превратить свой отказ в решительный разрыв и развить деятельность, совершенно отличную от той, которую планировал для них г-н Пил.

Подумайте о захватывающей истории учителей в Пуэбле^[3]. Когда в 2008 году правительство объявило о создании новой схемы повышения качества образования за счет навязывания индивидуализма через усиление конкуренции между учащимися, более строгой оценки результатов работы учителей и т. д., учителя сказали: «Нет, для нас это неприемлемо!». Когда правительство отказалось слушать, учителя-диссиденты пошли дальше простого отказа и, посоветовавшись с тысячами учеников и родителей, разработали своё собственное предложение по улучшению качества образования путём поощрения увеличения сотрудничества между учениками, усиление акцента на критическое мышление, на подготовку к совместной работе, не подчинённой непосредственно капиталу, и начали изучать пути реализации своей схемы в противовес государственным установкам, взяв под контроль школы^[4]. Здесь первоначальный отказ также начинает открываться в сторону чего-то иного, в сторону образовательной деятельности, которая не только сопротивляется, но и порывает с логикой капитала.

В обоих этих случаях «НЕТ» подкрепляется ино-деятельностью. Это достоинство, которое может заполнить трещины, созданные отказом. Тогда изначальное «НЕТ» — это не закрытие, а открытие к иной деятельности, порог контрмира, имеющего иную логику и иной язык^[5]. «НЕТ» открывается пространству-времени, в котором мы пытаемся жить как субъекты, а не как объекты. Это времена или пространства, в которых мы утверждаем нашу способность решать для себя, что мы должны делать — будь то общение с нашими друзьями, игра с нашими детьми, обработка земли иным образом, разработка и реализация проектов для критического образования. Это времена или пространства, в которых мы берём под свой контроль нашу собственную жизнь, берём на себя ответственность за нашу собственную человечность.

Достоинство — это раскрытие силы «НЕТ». Наш отказ ставит нас перед возможностью и необходимостью развития наших собственных способностей и ответственностью за это. Женщины и мужчины, бросившие г-на Пила в беде, столкнулись с возможностью и необходимостью развития способностей, подавленных их прежним состоянием рабства. Учителя, отвергающие государственные учебники, вынуждены развивать иное образование.

Принятие ответственности за собственную жизнь само по себе является разрывом с логикой господства. Это не значит, что всё получится идеально. Достоинство — это разрушение, отрицание, движение, исследование. Мы должны быть осторожны, чтобы не превратить его в позитивную концепцию, которая могла бы придать ему мертвящую фиксацию. Женщины и мужчины, покинувшие г-на Пила, вполне могли превратиться в мелких землевладельцев, защищавших свою собственность от всех пришельцев. Учителя, которые захватывают свои школы для создания критического образования, возможно, воспроизводят авторитарные практики — такие же плохие, как те, которые они отвергают. Это движение важно, движение против-и-за-пределы: отрицание и созидание тех, кто покинул г-на Пила, больше, чем новые пространства, которые они создали; захват школ учителями больше, чем школы, которые они взяли. Именно принятие своей личной ответственности является важным, хотя результаты могут быть весьма противоречивыми^[6].

Достоинство, движение отрицания-и-созидания, взятие под контроль нашей собственной жизни — дело не простое: это, как мы сказали, «тёмная жидкость, пузырящаяся из озера возможностей». Придание позитивной твёрдости тому, что может быть только движением отказа, созидания и исследования, может легко привести к разочарованию. Просапатистский коллектив, или социальный центр, или группа *пикетерос* обретает конец в беспорядке, с конфликтами — и мы приходим к выводу, что всё это было иллюзией, вместо того чтобы видеть, что такие достоинства неизбежно противоречивы и экспериментальны. Трещины — это всегда вопросы, а не ответы.

Важно не романтизировать трещины, не придавать им позитивной силы, которой они не обладают. Но, всё-таки, всё начинается отсюда: с трещин, борозд, разрывов, пространств мятежного отрицания-и-созидания. Мы начинаем с частного, а не с целого. Мы исходим из мира несоответствия, из множественности отдельных восстаний, достоинств, трещин, а не из великой объединённой Борьбы, которой просто не существует, а также не из системы господства. Мы начинаем с того, что сердимся, теряемся и пытаемся создать что-то иное, потому что именно там мы живём, именно там мы находимся. Возможно, это странное место для начала, но мы ищем странную вещь. Мы ищем надежду во тьме ночной^[7]. Мы пытаемся теоретизировать надежду-против-надежды. Это, безусловно, единственный оставшийся предмет теории.

1. Идею отрицания отрицания при помощи творческой силы иногда называют «вторым отрицанием»: см. Dunayevskaya (2002). [↗](#)
2. См. значительное название книги La Vaca (2004), посвященной опыту различных оккупированных фабрик в Аргентине: *Sin Patrón* («без босса»). [↗](#)
3. Если приведенные примеры взяты непропорционально, то из Мексики и Латинской Америки, то из Европы, то это только потому, что именно там я живу и жил. Ясное дело, что подобные примеры можно найти во всем мире. Возможно, читатель, где бы вы не жили,

вам стоит подумать о пяти (или ста) других примерах на каждый упомянутый здесь. Для куда более широкого выбора примеров см. *Notes from Nowhere* (2003). Отличным источником информации о «трещинах» во всем мире является итальянский журнал *Carta*. [↗](#)

4. Такова позиция на момент написания статьи (август 2009). Об этом см. SNTE (2009). Об аспектах альтернативного образования, разрабатываемого в Сьерра-де-Пуэбла, см. Piesck Gochicoa, Messina Raimondi и Colectivo Docente (2008). [↗](#)
5. О понятии эмансипационного пространства как порогового пространства см. Stavridis (2007 и 2009). [↗](#)
6. Линчевание — это как раз тот случай, когда жители города или деревни собираются вместе, чтобы коллективно и совокупно разобраться с предполагаемым преступником, они явно отвергают коррумпированную и неэффективную судебную систему и берут под свой контроль собственную жизнь, однако взрыв коллективного гнева никоим очевидным образом не создаёт основы для лучшего общества. См. Fuentes Díaz (2006). [↗](#)
7. Отправиться в это приключение можно с «*Hope in the Dark*» Rebecca Solnit (2004). [↗](#)